

Аллегии и метафоры в романе В. Вульф «Волны»

© кандидат филологических наук А.А. Изотова, 2011

Роман Вирджинии Вульф «Волны» справедливо можно назвать поэзией в прозе, где красота звучания текста оказывается важнее сюжета. На первый план выдвигается внутренний мир шести главных героев (Бернарда, Невилла, Люиса, Роды, Сьюзен и Джинни), а окружающий внешний мир, реальная жизнь служат неким фоном, на котором разворачиваются переживания персонажей.

Особую роль в романе играют аллегорические описания природы. Перед каждой главой, показывающей новый период жизни главных героев, читатель находит описание моря, где ритм волн отражает ритм жизни персонажей.

Так, в начале романа, когда изображается детство главных героев, цвет моря описывается как неотличимый от оттенка неба, что символизирует безоблачную жизнь детей, их надежды на будущее, оптимистическое видение мира:

The sun had not yet risen. The sea was indistinguishable from the sky, except that the sea was slightly creased as if a cloth had wrinkles in it. Gradually as the sky whitened a dark line lay on the horizon dividing the sea from the sky and the grey cloth became barred with thick strokes moving, one after another, beneath the surface, following each other, pursuing each other, perpetually.

В следующем отрывке при описании юности героев переливы голубого и зелёного цвета волн создают очаровательный образ легкого веера, опухала молодости. Также значимым оказывается изображение автором солнца. Если в предыдущем примере солнце ещё не взошло, то здесь солнце восходит, и жизнь, полная надежд, только начинается:

The sun rose higher. Blue waves, green waves swept a quick fan over the beach, circling the spike of sea-holly and leaving shallow pools of light here and there on the sand. A faint black rim was left behind them. The rocks which had been misty and soft hardened and were marked with red clefts.

Для того, чтобы показать расцвет молодых лет героев, гамма оттенков волн создаёт палитру желтого, зелёного и синевато-стального цветов. При этом солнце уже взошло, а свет как будто пронизывает стремительные волны, сияющие как топаз, аквамарин, что показывает радость бытия:

The sun rose. Bars of yellow and green fell on the shore, gilding the ribs of the eaten-out boat and making the sea-holly and its mailed leaves gleam blue as steel. Light almost pierced the thin swift waves as they raced fan-shaped over the beach. The girl who had shaken her head and made all the jewels, the topaz, the aquamarine, the water-coloured jewels with sparks of fire in them, dance, now bared her brows and with wide-opened eyes drove a straight pathway over the waves. Their quivering mackerel sparkling was darkened; they massed themselves; their green hollows deepened and darkened and might be traversed by shoals of wandering fish. As they splashed and drew back they left a black rim of twigs and cork on the shore and straws and sticks of wood, as if some light shallop had foundered and burst its sides and the sailor had swum to land and bounded up the cliff and left his frail cargo to be washed ashore.

В следующем примере, описывающем молодость героев, солнце бросает мерцающий взгляд (“a fitful glance”) на морские сокровища, приоткрывает своё лицо (“bared its face”) и прямо смотрит на волны, что является приёмом персонификации. При этом голубые с бриллиантовым оттенком волны энергично бьются о берег, аллегорически изображая раскрытие способностей героев:

The sun, risen, no longer couched on a green mattress darting a fitful glance through watery jewels, bared its face and looked straight over the waves. They fell with a regular thud. They fell with the concussion of horses' hooves on the turf. Their spray rose like the tossing of lances and assegais over the riders' heads. They swept the beach with steel blue and diamond-tipped water. They drew in and out with the energy, the muscularity, of an engine which sweeps its force out and in again. The sun fell on cornfields and woods. Rivers became blue and many-plaited, lawns that sloped down to the water's edge became green as birds' feathers softly ruffling their plumes. The hills, curved and controlled, seemed bound back by thongs, as a limb is laced by muscles; and the woods which bristled proudly on their flanks were like the curt, clipped mane on the neck of a horse.

Обратимся к другим примерам:

The sun had risen to its full height. It was no longer half seen and guessed at, from hints and gleams, as if a girl couched on her green-sea mattress tired her brows with water-globed jewels that sent lances of opal-tinted light falling and flashing in the uncertain air like the flanks of a dolphin leaping, or the flash of a falling blade. Now the sun burnt uncompromising, undeniable. It struck upon the hard sand, and the rocks became furnaces of red heat, it searched each pool and caught the minnow hiding in the cranny, and showed the rusty cartwheel, the white bone, or the boot without lucas stuck,

black as iron, in the sand. It gave to everything its exact measure of colour; to the sandhills their innumerable glitter, to the wild grasses their glancing green; or it fell upon the arid waste of the desert, here wind-scourged into furrows, here swept into desolate cairns, here sprinkled with stunted dark-green jungle trees. <...>

The waves broke and spread their waters swiftly over the shore. One after another they massed themselves and fell; the spray tossed itself back with the energy of their fall. The waves were steeped deep-blue save for a pattern of diamond-pointed light on their backs which rippled as the backs of great horses ripple with muscles as they move. The waves fell; withdrew and fell again, like the thud of a great beast stamping.

В данном отрывке солнце в своём зените и светит оно непрестанно, придавая окружающему миру оттенки красного, белого, чёрного, розового и зелёного. Темно-голубые с бриллиантовым оттенком волны быстро разбиваются о берег, они подобны топоту дикого зверя. Здесь речь идёт о становлении зрелости героев, об изменении их взглядов.

Обратимся к другому отрывку:

The sun no longer stood in the middle of the sky. Its light slanted, falling obliquely. Here it caught on the edge of a cloud and burnt it into a slice of light, a blazing island on which no foot could rest. Then another cloud was caught in the light and another and another, so that the waves beneath were arrow-struck with fiery feathered darts that shot erratically across the quivering blue.

<...>

The waves massed themselves, curved their backs and crashed. Up spurted stones and shingle. They swept round the rocks, and the spray, leaping high, spattered the walls of a cave that had been dry before, and left pools inland, where some fish stranded lashed its tail as the wave drew back.

В данном случае, также описывающем зрелость героев, солнце уже не в зените, его свет падает наклонно. Время от времени солнце освещает облака, которые становятся похожими на ярко горящий остров, затем они тают, что символизирует просветы в жизни героев. Волны же беспорядочно бьются о берег и разбиваются. Это описание аллегорически показывает возникновение тревог, проблем в жизни героев, уход безоблачного существования.

Рассмотрим ещё один пример:

The sun had now sunk lower in the sky. The islands of cloud had gained in density and drew themselves across the sun so that the rocks went suddenly black, and trembling sea-holly lost its blue and turned silver, and shadows were blown like grey cloths over the sea. The waves no longer vis-

ited the farther pools or reached the dotted black line which lay irregularly marked upon the beach. The sand was pearl white, smoothed and shining.

В этом отрывке солнце глубже погружается в небеса, почти нет просветов в облаках, оттого скалы кажутся чёрными, трепещущие волны теряют голубой оттенок, приобретая серебристый, и серые тени окутывают море подобно холсту. Отрывок показывает разочарование героев в жизни, потерю многих надежд, пустоту и отчаяние зрелых лет.

Проанализируем ещё один пример:

The sun was sinking. The hard stone of the day was cracked and light poured through its splinters. Red and gold shot through the waves, in rapid running arrows, feathered with darkness. Erratically rays of light flashed and wandered, like signals from sunken islands, or darts shot through laurel groves by shameless, laughing boys. But the waves, as they neared the shore, were robbed of light, and fell in one long concussion, like a wall falling, a wall of grey stone, unpierced by any chink of light.

В данном контексте солнце уже закатилось. Медно-золотистые волны, подобные стрелам, становятся темными. Свет блуждает по морю подобно сигналам с островов затонувших кораблей. Сами же волны, уже не сверкающие, тяжело падают как стена из серого камня, куда не проникает свет. Данный отрывок аллегорически изображает полное разочарование в жизни героев, крах их чаяний, а для некоторых из них и потерю смысла жизни.

Завершает роман следующее описание моря:

Now the sun had sunk. Sky and sea were indistinguishable. The waves breaking spread their white fans far out over the shore, sent white shadows into the recesses of sonorous caves and then rolled back sighing over the shingle.

<...>

As if there were waves of darkness in the air, darkness moved on, covering houses, hills, trees, as waves of water wash round the sides of some sunken ship. Darkness washed down streets, eddying round single figures, engulfing them; blotting out couples clasped under the showery darkness of elm trees in full summer foliage. Darkness rolled its waves along grassy rides and over the wrinkled skin of the turf, enveloping the solitary thorn tree and the empty snail shells at its foot. Mounting higher, darkness blew along the bare upland slopes, and met the fretted and abraded pinnacles of the mountain where the snow lodges for ever on the hard rock even when the valleys are full of running streams and yellow vine leaves, and girls, sitting on verandahs, look up at the snow, shading their faces with their fans. Them, too, darkness covered.

В данном примере солнце полностью закатилось, полоса небес и моря неразличима. Но в отличие от первого отрывка, преобладают белые тона: волны образуют белый веер, белые тени, волны катятся, вздыхая над галькой. Тьма сгущается и окутывает всё вокруг, волны же как будто омывают тонущий корабль. Последний отрывок символизирует старость героев, их опустошенность, закат их жизни.

Проанализировав приведённые выше отрывки, можно прийти к выводу о том, что в аллегорическом изображении волн В. Вульф видятся ступени человеческой жизни, различные этапы её становления и угасания.

Цвет и восприятие цвета также являются значимыми в романе и нередко приобретают аллегорическое звучание.

Обратимся к примерам:

'Those are white words,' said Susan, 'like stones one picks up by the seashore.'

'They flick their tails right and left as I speak them,' said Bernard. 'They wag their tails; they flick their tails; they move through the air in flocks, now this way, now that way, moving all together, now dividing, now coming together.'

'Those are yellow words, those are fiery words,' said Jinny. 'I should like a fiery dress, a yellow dress, a fulvous dress to wear in the evening.'

В данном случае в речи Сьюзен, дочери фермера, слитой с природой, слова облачаются в белый цвет, они подобны камешкам, которые собирают на берегу моря.

В реплике Бернарда, коллекционера высказываний, слова оживают, они движутся толпой, то разделяясь, то соединяясь.

В восприятии же пылкой и страстной Джинни слова приобретают жёлтый цвет, а затем и огненно-красный оттенок.

Рассмотрим следующий пример:

'It is the first day of the summer holidays,' said Rhoda. 'And now, as the train passes by these red rocks, by this blue sea, the term, done with, forms itself into one shape behind me. I see its colour. June was white. I see the fields white with daisies, and white with dresses; and tennis courts marked with white. Then there was wind and violent thunder.'

В восприятии самой чистой и таинственной героини Роды июнь становится белым. Она видит белый цвет в полях, покрытых маргаритками, в платьях, на теннисных кортах, что аллегорически показывает её светлое ощущение лета.

Обратимся к другому примеру:

We have come together (from the north, from the south, from Susan's farm, from Louis's house of business) to make one thing, not enduring – for what endures? – but seen by many eyes simultaneously. There is a red carnation in that vase. A single flower as we sat here waiting, but now a seven-sided flower, many-petalled, red, puce, purple-shaded, stiff with silver-tinted leaves – a whole flower to which every eye brings its own contribution.

В сцене, в которой главные герои встречаются в ресторане, красная гвоздика на столе, символ объединения друзей, приобретает оттенки красновато-коричневого, пурпурного, серебристого цветов в зависимости от восприятия каждого персонажа.

Проанализируем другой пример:

'Look,' said Rhoda; 'listen. Look how the light becomes richer, second by second, and bloom and ripeness lie everywhere; and our eyes, as they range round this room with all its tables, seem to push through curtains of colour, red, orange, umber and queer ambiguous tints, which yield like veils and close behind them, and one thing melts into another.'

'Yes,' said Jinny, 'our senses have widened. Membranes, webs of nerve that lay white and limp, have filled and spread themselves and float round us like filaments, making the air tangible and catching in them faraway sounds unheard before.'

'The roar of London,' said Louis, 'is round us. Motor-cars, vans, omnibuses pass and repass continuously. All are merged in one turning wheel of single sound. All separate sounds – wheels, bells, the cries of drunkards, of merry-makers – are churned into one sound, steel blue, circular. Then a siren hoots. At that shores slip away, chimneys flatten themselves, the ship makes for the open sea.'

В восприятии Роды комната, в которой она находится с друзьями, становится насыщенной светом – оттенками красного, оранжевого, темно-коричневого, незаметно переходящими друг в друга.

Теплая гамма красок противопоставляется восприятию Льюисом города: шум Лондона сливается в один звук, ассоциирующийся с синевато-стальным холодным цветом.

Рассмотрим ещё один пример:

'How then does light return to the world after the eclipse of the sun? Miraculously. Frailly. In thin stripes. It hangs like a glass cage. It is a hoop to be fractured by a tiny jar. There is a spark there. Next moment a flush of dun. Then a vapour as if earth were breathing in and out, once, twice, for the first time. Then under the dullness someone walks with a green light. Then off twists a white wraith. The woods throb blue and green, and gradually the fields drink in red, gold, brown. Suddenly a river snatches a blue light. The

earth absorbs colour like a sponge slowly drinking water. It puts on weight; rounds itself; hangs pendent; settles and swings beneath our feet.

'So the landscape returned to me; so I saw fields rolling in waves of colour beneath me but now with this difference; I saw but was not seen. I walked unshadowed; I came unheralded. From me had dropped the old cloak, the old response; the hollowed hand that beats back sounds. Thin as a ghost, leaving no trace where I trod, perceiving merely, I walked alone in a new world, never trodden; brushing new flowers, unable to speak save in a child's words of one syllable; without shelter from phrases – I who have made so many; unattended, I who have always gone with my kind; solitary, I who have always had someone to share the empty grate or the cupboard with its hanging loop of gold.

В данном контексте, представляющем собой монолог Бернарда, размышляющего о смысле своей жизни на склоне лет, его видение охватывает волны цвета: зелёный, голубой, красный, золотой, коричневый. Волшебные изменения цвета происходят для него как будто после солнечного затмения. Земля поглощает цвет как губка, а Бернард проходит невидимый как призрак в новом мире, полностью изменяясь, что аллегорически показывает преобразование его души.

Метафоры также нередко используются автором в тексте, причём в основном они связаны с образом воды.

Обратимся к следующему примеру:

'There is the puddle,' said Rhoda, 'and I cannot cross it. I hear the rush of the great grindstone within an inch of my head. Its wind roars in my face. All palpable forms of life have failed me. Unless I can stretch and touch something hard, I shall be blown down the eternal corridors for ever. What, then, can I touch? What brick, what stone? and so draw myself across the enormous gulf into my body safely?

В данном случае интересной для анализа представляется фраза “There is the puddle, and I cannot cross it” – “Я не могу перейти лужу”. Слово “puddle” приобретает метасемиотическое звучание как нечто мутное, неприятное при столкновении с внешним миром. Дальнейший текст раскрывает мучительное восприятие жизни Родой, мистической героиней, для которой осязаемый, осязаемый мир всегда казался чуждым, враждебным, а существовала лишь жизнь её души.

Рассмотрим ещё один пример:

'Here is a hall where one pays money and goes in, where one hears music among somnolent people who have come here after lunch on a hot afternoon. We have eaten beef and pudding enough to live for a week without tasting food. Therefore we cluster like maggots on the back of something that will

carry us on. Decorous, portly – we have white hair waved under our hats; slim shoes; little bags; clean-shaven cheeks; here and there a military moustache; not a speck of dust has been allowed to settle anywhere on our broadcloth. Swaying and opening programmes, with a few words of greeting to friends, we settle down, like walruses stranded on rocks, like heavy bodies, incapable of waddling to the sea, hoping for a wave to lift us, but we are too heavy, and too much dry shingle lies between us and the sea.

В данном контексте показаны философские рассуждения о смысле жизни человека, в речи Роды метафорически выражается крушение жизненных надежд. Героиня сравнивает людей с моржами, которые надеются, что волна поднимет их, но они слишком тяжелы, и их отделяет от моря много сухой гальки – “... we settle down, like walruses stranded on rocks, like heavy bodies incapable of waddling to the sea, hoping for a wave to lift us, but we are too heavy, and too much dry shingle lies between us and the sea”.

Проанализируем следующий пример:

'Something flickers and dances,' said Louis. 'Illusion returns as they approach down the avenue. Rippling and questioning begin. What do I think of you – what do you think of me? Who are you? Who am I? – that quivers again its uneasy air over us, and the pulse quickens and the eye brightens and all the insanity of personal existence without which life would fall flat and die, begins again. They are on us. The southern sun flickers over this urn; we push off into the tide of the violent and cruel sea. Lord help us to act our parts as we greet them returning – Susan and Bernard, Neville and Jinny.'

В речи Льюиса используется образ людей, отталкивающихся от берега и попадающих в течение бурного и безжалостного моря – “we push off into the tide of the violent and cruel sea”. Таким образом, персонаж показывает суровость, беспощадность жизни, в которой люди вынуждены играть отведённые им роли.

Рассмотрим последний пример:

I do not know – your days and hours pass like the boughs of forest trees and the smooth green of forest rides to a hound running on the scent. But there is no single scent, no single body for me to follow. And I have no face. I am like the foam that races over the beach or the moonlight that falls arrow-like here on a tin can, here on a spike of the mailed sea-holly, or a bone or a half-eaten boat. I am whirled down caverns, and flap like paper against endless corridors, and must press my hand against the wall to draw myself back.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Вып. 43. – 110 с. ISBN 978-5-317-04050-5

В данном контексте показана эфемерность жизни Роды, трудности её трепетной души при столкновении с внешним миром. Сама героиня сравнивает себя с пеной, набегающей на берег, с лунным светом, с вихрем в пещерах – “I am like the foam that races over the beach or the moonlight... I am whirled down caverns...”, что метафорически обозначает преходящий характер бытия.

Итак, аллегорические описания природы и цвета, а также использование метафор являются распространёнными авторскими приёмами и усиливают эстетическую ценность романа.